

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 6 сентября 1881
25 августа

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во всѣ города Европы и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Русскіе начальники болгаръ. — 2) Историческая Польша и великорусская демократія, гл. III, М. Драгоманова. — 3) Политическія письма (письмо второе), г-на В. — 4) Письмо Болгарина изъ Пловдива. — 5) Письма о рабочемъ движеніи, гл. II. — 6) Соціалистическій всемірный конгрессъ.

Женева, 6 сентября.

Печатаю письмо „Болгарина изъ Пловдива“ (Филиппополя), мы исполняемъ только долгъ органа гласности, особенно обязательный для „Вольнаго Слова“, давать мѣсто каждому честному и правдивому заявленію. Но мы не можемъ сказать, чтобъ мы сегодня это дѣлали охотно, чтобъ намъ было пріятно или легко исполнить въ данномъ случаѣ эту обязанность. Печатаемое нами письмо не принадлежитъ болгарскому либералу, ни даже члену болгарской „интелигенціи“, авторъ его несомнѣнно умный и одаренный здравымъ смысломъ болгарскій патриотъ, житейскія занятія котораго не имѣютъ ничего общаго съ политикою или литературою. Не живя въ княжествѣ и, по видимому, незнакомый съ мѣстными партіями, онъ ничего не говоритъ о политическомъ движеніи, о которомъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ; но то, что видѣлъ онъ и что передаетъ намъ съ безыскусственною простотою, достаточно характеризуетъ положеніе страны, освобожденной русскими отъ турокъ, но не отъ собственного произвола и насилия. На что жалуется нашъ болгаринъ и чего онъ желаетъ?—Больше всего на то, что русскіе начальники болгаръ *быютъ* ихъ безъ причины и безъ разбора; „вездѣ куда не придутъ такъ и начинаютъ бить“, говоритъ онъ. „Бить и поборы, да презрѣнье ко всему болгарскому, вотъ что всего тяжелѣе“. Слова, которыя онъ говоритъ далѣе, звучатъ какъ горькая насмѣшка, хотя, можетъ быть, авторъ и не подозреваетъ этого. Его удивляетъ, зачѣмъ русскіе, „у которыхъ такъ много прекрасныхъ (!) чиновниковъ и офицеровъ“, не пошлютъ къ намъ никого изъ нихъ?—Наше національное самолюбіе не позво-

ляетъ намъ отвѣтить на его вопросъ, и мы можемъ только желать, чтобъ онъ не угадалъ, какъ просто долженъ былъ бы быть этотъ отвѣтъ...

Все это доказываетъ, увы! что, если русскій народъ способенъ жертвовать своимъ послѣднимъ достояніемъ для освобожденія своихъ братій по вѣрѣ и крови, если русскіе солдаты всегда готовы лечь костью за тоже дѣло, то русскіе чиновники и офицеры еще не умѣютъ начальствовать надъ младшими братьями; ихъ начальствованіе слишкомъ легко переходитъ въ битье и слишкомъ часто сопровождается кражею. И откуда берется у васъ презрѣніе, господа командиры, къ битому и обкрадываемому вами народу? неужели оттого, что онъ васъ терпитъ у себя? или, что онъ такъ упорно отказывается видѣть въ васъ вѣрныхъ представителей великаго братскаго народа и продолжаетъ вѣрить въ существованіе въ Россіи „прекрасныхъ чиновниковъ и офицеровъ“? Для русскаго народа было бы лучше, если бы болгаръ были и обкрадывали австрійцы или турки; какъ бы онъ опять ополчился на этихъ враговъ славянства и православія! но что дѣлать противъ своихъ же? Неужели намъ придется признаться болгарамъ, что мы не можемъ сдѣлать для нихъ ничего теперь, такъ какъ мы сами... но мы хотимъ говорить здѣсь только о болгарскихъ дѣлахъ.

Кромѣ изображенія состоянія Болгаринъ, письмо, по поводу котораго мы пишемъ эти строки, содержитъ хотя не новое, но не безъосновательное предложеніе,—замѣнить сильное и дорого стоящее княжеское правительство эзархомъ, главою всея болгарской церкви, и совѣтомъ выборныхъ. О возможности такого устройства, по крайпей мѣрѣ на время, шла рѣчь еще въ 1878—79 годахъ, и его совѣтовали первые знатоки Болгаринъ и люди не только благонамѣренные, но и высокопоставленные, которые видѣли въ этомъ приготовленіе къ *лучшему*; насъ, слѣдовательно, не могутъ заподозрить въ желаніи видѣть въ Болгаринъ непремѣнно республику, если мы позволимъ себѣ вновь рекомендовать вышеупомянутую комбинацію тѣмъ, отъ кого зависятъ судьбы Болгаринъ: она,

дѣйствительно, будетъ приготовленіемъ къ лучшему, тогда какъ продолженіе настоящаго режима есть только, (для Россіи въ особенности), приготовленіе къ *худшему*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

III.

Физическое и моральное опустошеніе и угнетеніе, которымъ подвергли Польша и Россія Бѣлоруссію и Правобочную Украину въ XVII—XVIII в., были таковы, что, когда въ концѣ XVIII в. эти области присоединили отъ Польши къ Россіи, то въ нихъ почти не было замѣтно признаковъ народной жизни, и за аристократіей,—конечно, польской,—никто въ нихъ не видѣлъ народа и его націй, которыя успѣли было обратить на себя вниманіе даже иностранныхъ писателей во время казацкихъ войнъ. (Beauplan, Description d'Ukraine, 1660. Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, 1663 и др.) Теперь это были „польскія провинціи“,—и если Екатерина II называла ихъ,—„отъ Польши возвращенныя“,—то въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Марія Терезія, какъ королева Венгрии, назвала еще раньше ея (въ 1770 г.) „возвращенными землями“ Спизскій округъ съ Величкой и Бохпией и на томъ же основаніи, на какомъ эта венгерская королева заявила въ 1772—1773 г. „Малую или Красную Русь или Галицію и Ладимірію“, по родству старыхъ венгерскихъ королей съ галицкими князьями дома св. Владимира,—наслѣдницей котораго считала себя и ангальтцербская принцесса на петербургскомъ тронѣ. Въ глубинѣ духа и Екатерина, какъ и Марія Терезія, считала „возвращенныя провинціи“ польскими и если усматривала въ нихъ что либо не польское, то развѣ „православіе“, да и то больше всего, благодаря агитаціи православныхъ духовныхъ изъ украинцевъ, въ родѣ извѣстнаго бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго. Бѣлорусскій же католицизмъ и протестантизмъ считались такъ мало „русскими“ съ оффиціальной великорусской точки зрѣнія, что

они и ополчились окончательно именно послѣ перехода края подъ владычество Россіи. Даже уніаты стали полячиться подъ этимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ подъ польскимъ. Не только заурядные люди въ Россіи считали „губерніи, отъ Польши возвращенныя“, польскими, хотя, пожалуй, и подлежащими „обрусенію“, но самъ императорскій исторіографъ Карамзинъ въ своей „Исторіи государства Россійскаго“ проглагольствовалъ существованіе подъ не-русского династическаго Гедиминовичей своего рода русскихъ, хотя и не великорусскихъ, національных элементовъ. Даже возставалъ противъ плана Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 г., черезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи, — при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о непольскихъ національностяхъ этихъ краевъ. Въ существѣ своемъ понятіи Карамзина остались и до сихъ поръ понятіями средняго великорусскаго человѣка, для котораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша“.

А между тѣмъ уже и въ первой четверти XIX в. успѣли прорѣзаться входы непольскаго сознанія въ „губерніи“ отъ Польши возвращенныхъ. Прежде всего это сознаніе, конечно, должно было исходить изъ Лѣвобочной Украйны, въ которой преданія XVII вѣка не могли затеряться окончательно и въ которой съ конца XVIII в. началось литературное изученіе еще свѣжей казацкой старины, а за тѣмъ и этнографіи, которое не могло, конечно, остановиться на днѣпровской границѣ. За тѣмъ, подъ вліяніемъ школьной науки, — хотя бы и польской (въ Виленскомъ университетѣ и Кременецкомъ лицей) и въ мѣстныхъ польскихъ кругахъ стали образовываться зародыши литво-бѣлоруссо — и украинфильства. — При этомъ въ столь явно оригинальной Литвѣ возобновились и попытки писать по литовски, — а въ переполненной казацкими преданіями Украйнѣ появилась не только украинская школа поэтовъ на польскомъ языкѣ (Мальчевскій, Б. Залѣскій, Гоцимскій и др., которые соответствуютъ автору „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Тараса Бульбы“ въ русской литературѣ) но и попытка писать на языкѣ украинскомъ (подобно лѣвобережнымъ Котляревскому, Гулаку, Квиткѣ и др.) и даже агитировать пѣснями на этомъ языкѣ народъ въ пользу Польши (Тышко Падура).

Но все эти зачатки будущихъ національных возрожденій, зачатки тѣхъ движеній, которыя должны стать центробѣжными и отъ Москвы, и отъ Польши, были еще настолько слабы, что ихъ почти не замѣчали образованные круги господствовавшихъ національностей, — которые не могли себѣ представить націй внѣ государствъ и аристократій. А между тѣмъ время ставило передъ этими кругами вопросы политическіе и социальныя, которые въ столь деспотическомъ государствѣ, какъ Россія, не могли

быть подняты иначе, какъ путемъ революціоннымъ. Революціонныя общества образовались и среди поляковъ, и среди русскихъ, — при чемъ сразу же намѣтилась и разница между тѣми и другими, разница, которая объясняется главнымъ образомъ различіемъ положенія націй побѣжденной и господствующей: въ то время, какъ польскіе революціонеры на первый планъ ставили вопросы національно-политическіе, — у русскихъ преобладали вопросы политико-соціальныя. Пункты соприкосновенія впрочемъ были, — и попытка соглашенія должна была быть сдѣлана уже ради удобства одновременной борьбы „съ общимъ врагомъ“, — т. е. съ царскимъ самодержавіемъ. При первой же попыткѣ этого соглашенія долженъ былъ быть поднятъ и вопросъ о будущихъ политическихъ отношеніяхъ „Польши“ и „Россіи“. Но при этомъ оказалось, что обѣ стороны способны были обсуждать этотъ вопросъ только на основаніи господствующихъ, чистого государственныхъ, т. е. узко-польскихъ и узко-великорусскихъ понятій, — такъ какъ между тогдашними поляками, даже украинцами, какъ С. Гоцимскій, демократическія и центробѣжныя идеи еще не созрѣли до полного разрыва съ традиціонными польскими стремленіями, — а среди русскихъ было совсѣмъ мало даже такихъ, которые бы, подобно Рылѣву, совмѣщали въ себѣ слабыя украинскія воспоминанія съ западнымъ либерализмомъ („Исповѣдь Наливайка“, „Война-рыскій“).

Когда въ 1824 и 1825 встрѣтились члены русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ въ Кіевѣ и Житомирѣ (Муравьевъ и Бестужевъ съ одной стороны и Кжыжановскій и Яблоновскій съ другой) то собственно обѣ стороны оказались стоящими не только на старыхъ государственныхъ точкахъ зрѣнія, но даже весьма упорными государственными унитаристами. Когда между Муравьевымъ и Кжыжановскимъ поднятъ былъ вопросъ о будущемъ Польши, то первый высказалъ, что среди русскихъ многіе стоятъ за цѣлость имперіи, хотя предлагаютъ федеративное устройство, въ родѣ С. Американскаго; — въ другой разъ Муравьевъ и Бестужевъ предложили мысль о поголовной подачѣ голосовъ по вопросу о границахъ между Россіей и Польшей, — противъ чего Яблоновскій выставилъ рѣшительное требованіе признанія нераздѣльности границъ „исторической Польши“, т. е. границъ 1772 г. *) Ни съ одной стороны не было заявлено и сомнѣнія относительно того, что спорныя области собственно ни Россіи, ни Польшѣ! Это обстоятельство мало предвѣщало успѣха обѣимъ сторонамъ, — а разногласія ихъ въ вопросѣ о границѣ между ихъ Россіей и Польшей и темнота понятій насчетъ спорныхъ провинцій (Николай Тургеневъ напр. считалъ Кіевъ Россіей, а Подолію — Польшей), — не обѣщали возможности солидарнаго дѣйствія противъ „общаго врага“. И дѣйствительно солидарности между польскими политиками и русскими „декабристами“ оказалось на дѣлѣ очень мало, — при чемъ даже повидимому и принципиальныя разногласія

ихъ могутъ быть сведены къ разногласіямъ по вопросу о границахъ Польши и Россіи: такъ нѣкоторые русскіе требовали отъ поляковъ, чтобы они сдѣлали и даже убили Константина Павловича въ то время, когда въ Петербургѣ будетъ тоже сдѣлано съ Александромъ I. На это поляки отвѣчали, что царубійство не въ правахъ Польши, — но русскіе подозрѣвали, что поляки хотятъ, въ случаѣ революціи въ Петербургѣ, получить свое отъ остающагося во власти Романова, — который дѣйствительно могъ бы охотно взялся возстановить историческія границы Польши на Востокѣ, лишь бы сохранилъ за собою хоть какой нибудь тронъ.

Какъ извѣстно, оба русскіе „пропуски-менты“ 1825 г., — петербургское и бѣлоцерковское обошлись безъ всякой поддержки поляковъ — а за тѣмъ во время польскаго повстанія 1830—31 гг., не произошло никакого русскаго движенія. Возстаніе 1830—31 гг. имѣло между прочими своими послѣдствіями закрытіе университетовъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и лица въ Кременцѣ, — слабо вознагражденное открытіемъ „для поляковъ“ университета въ Кіевѣ, въ которомъ долго преподаваніе имѣло вполнѣ казенный характеръ. Это осужденіе обширныхъ странъ на невѣжество оказалось выгоднымъ прежде всего, — вовсе даже не русскому правительству (въ полицейскомъ смыслѣ), — а польской централистической исключительности. Централизмъ и исключительность всегда идутъ объ руку съ невѣжествомъ. Изученіе прошлого и настоящаго непольскихъ областей старой Польши сильно упало въ польскомъ обществѣ послѣ 1831 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ критическое отношеніе такихъ ученыхъ и демократовъ, какъ Лелевель, къ старому польскому государству смѣнилось крайнею его идеализаціей. Въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, что козацко-украинскія возстанія не были дѣломъ естественной реакціи противъ магнатско-иезуитской политики, какъ признавали серьезные историки школы Лелевеля, — или же соціальной реакціей, осложненной реакціей національною, какъ учатъ продолжатели Лелевеля, историки украинскіе, — но дѣломъ разбойниковъ (козаковъ), подвинутыхъ московскою интригой, какъ не стыдится проповѣдывать напр. популярный у поляковъ историкъ, пр. Шуйскій. Украинская школа въ польской литературы съ 30-хъ годовъ замерла; постепенно стало замирать у поляковъ съ 1840 г. и этнографическое изученіе Украйны, начатое Ходаковскимъ, Залѣскимъ, Паули и др. Совсѣмъ забыть о существованіи оригинальныхъ чертъ исторіи и быта украинскаго не могли и поляки, тѣмъ болѣе, что объ этомъ напоминало все болѣе увеличивающееся національное самосознаніе лѣвобережной Украйны, перепесенное Максимовичемъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ въ кіевскій университетъ. Но признаніе украинскіхъ особенностей приняло у поляковъ странную форму извѣстнаго ученія г. Духинскаго, которое, усиливая различія украинцевъ отъ великоруссовъ до отпугивающаго отъ послѣднихъ права на имя славянъ, въ тоже время ступшевывало различіе украинцевъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ польскомъ об-

*) Lisicki. M. Wielopolski et son temps. I, 51-54.

ществѣ установилось мнѣніе, которое видѣть въ политической границѣ Польши и Россіи 1772 г. границу и этнографическую, — мнѣніе, по которому Лѣвобережная Украина, уже не принадлежавшая Польшѣ въ 1772 г., совсѣмъ будто бы отличается по національности отъ Украины Правобережной, народъ которой польскіе этнографы записываютъ въ провинціальную разновидность націи польской на ряду съ мазурами, малопольянами и т. д. Туда же записывалась и національность бѣлорусская, этнографическое изученіе которой, все таки подвигалось у поляковъ, почти не встрѣчалъ себя соперничества съ „русской“ стороны.

На русской сторонѣ послѣ революціи 1830—1831 гг. стали образовываться о спорныхъ съ Польшою провинціяхъ своего рода ученія, похожія на сейчасъ упомянутыя польскія мнѣнія. Въ официально-учебныхъ кругахъ Россіи поняли недостаточность карамзинской точки зрѣнія на эти провинціи, какъ на провинціи, принадлежащія Россіи по праву меча, или династическаго наследства, но, конечно, круги эти не были въ состояніи уразумѣть и мысли о самостоятельныхъ отличіяхъ и правахъ этихъ провинцій и передъ Вѣлкороссіею, какъ и передъ Польшою. Императоръ Николай надумался (не знаемъ, самъ ли, или подъ чьимъ либо вліяніемъ), что самое лучшее — стирать съ западныхъ и южныхъ провинцій всякія мѣстныя отличія, начиная съ именъ ихъ, которые употреблялись со времени раздѣленія ихъ на губерніи при Екаторинѣ II. Въ 1840 г., когда ему поднесли для подписанія бумаги, въ которыхъ встрѣчались обычные названія „Литовскія губерніи“ (Виленская, — отъ которой въ 1842 г. отдѣлена была Ковенская, — Гродненская) и „Бѣлорусскія губерніи“ (Витебская и Могилевская), Николай I зачеркнулъ слова: „Литовскія и Бѣлорусскія“ и приказалъ переписать бумаги, надписавъ на нихъ резолюцію: „правила сего держаться и впредь, никогда иначе не прописывая, какъ поименно губерніи“. А еще раньше того Николай приказалъ называть Слободско-Украинскую губернію Харьковскою (1835) и уничтожилъ названіе „Малороссійскаго генералъ губернаторства, обнимающаго двѣ Лѣвобочныя губерніи (Черниговскую и Полтавскую) съ Слободско-Украинскою. Въ то же время историкъ Устряловъ дѣлательно хлопоталъ объ исправленіи упущенія Карамзина, настаивалъ на „русскомъ“ характерѣ населенія Литовскаго княжества въ XIV—XV вв., конечно „русскомъ“ въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Для этого ученія Устрялову было достаточно усвоить противупольскія идеи православно-украинскихъ писателей старой школы (Копищенскаго, Ваптыша-Каменскаго) съ исключеніемъ всякихъ автономныхъ идей, которыя все таки пробивались у нихъ сквозь православную кору и проскакивали въ печать, не смотря на всѣ цензурныя предосторожности. Любопытныя подробности на счетъ того, какъ хлопоталъ Устряловъ о томъ, чтобъ выставить на видъ въ официальныхъ сферахъ эту новую для великорусской публики антипольскую обработку исторіи Литовскаго княжества, находимъ въ запискахъ

Устрялова, напечатанныхъ въ 1880 г. въ „Древней и Новой Россіи“. Но новыя идеи туго усваивала даже официальная публика.*) Что же случилось частной, то большинство ея слушало совершенно индифферентно обо всѣхъ этихъ Ягеллахъ и Свидригайлахъ, еще болѣе обезцвѣченныхъ официальнымъ историкомъ, чѣмъ даже московскіе Иваны, — а болѣе независимое меньшинство считало антипольскую, — и вмѣстѣ съ тѣмъ и антилитовскую, — обработку исторіи „Югозападной Руси“, лишенную всякихъ указаній на жизненные особенности ея націй, новото выдумкою академическаго лакейства. Въ поляковъ же, которые тоже были обязаны учиться въ школахъ эту обработку, она производила только отвращеніе. Сынъ Устрялова рассказываетъ анекдотъ, какъ самъ историкъ нашелъ совершенно естественнымъ, что одинъ студентъ-полякъ не захотѣлъ отвѣчать на экзаменѣ попавшійся ему вопросъ изъ исторіи „возвращенія“ къ Россіи ея старыхъ провинцій. А мы помнимъ случай, когда на студенческой сходкѣ въ Кіевѣ въ 1860 г. одинъ украинецъ сказалъ: „исторія показываетъ, что здѣшній край не Польша“, — на что студентъ-полякъ воскликнулъ: „не исторія, а Устряловъ“. Воскличаніе было покрыто аплодисментами поляковъ, которые заглушили замѣчаніе другого украинца: „не одна исторія, а и статистика!“

Представить живо и въ тоже время правдиво исторію Понѣманья и Подиіпровья и ихъ этнографическую статистику могъ только нѣкто третій, а не сторонники официальныхъ идей польскихъ и русскихъ Судя по тому, что показываетъ намъ исторія національныхъ возрожденій у западныхъ славянъ, у которыхъ національныя партіи образовались даже около нѣмецкихъ университетовъ, — мы имѣемъ основаніе думать, что, если бы продолжалъ существовать даже польскій виленскій университетъ, то около него бы образовались вполнѣ автономныя партіи литовская и бѣлорусская. Вотъ почему русское правительство поступаетъ по своему вполнѣ умно, не заводя университетъ ни въ Вильнѣ, ни въ Тифлисѣ. Но послѣ 1831 г. на всей славянской, но не великорусской, полосѣ Россіи университетъ существовалъ только въ Харьковѣ, а потомъ и въ Кіевѣ. А потому изъ всѣхъ западнороссійскихъ негосударственныхъ племенъ на-

*) Устряловъ говоритъ, что «Карамзинъ имѣлъ смутное понятіе о Литовскомъ княжествѣ», а «у насъ его привыкли считать коренною Польшою». Въ 1835 г. оберъ прокуроръ Синода Протасовъ и мн. нар. пров. Уваровъ пришли «въ восторгъ», узнавъ отъ Устрялова, что Литовское княжество, которое вѣжливо было до Протасова по политическимъ соображеніямъ, было тоже Русь, — и Уваровъ сказалъ, что объ этомъ надо доложить государю. Но въ 1840 г., въ указѣ о замѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ литовскаго статута Сводомъ законовъ, — была напечатана глупость, — а именно будто Литовскій статутъ ввели въ княжествѣ поляки, тогда какъ онъ былъ редижированъ до люблинской уни и на бѣлорусскомъ языкѣ! Дѣло въ томъ, что сама теорія Устрялова, по которой порча юго-западной Руси началась сейчасъ, какъ она отпала отъ Владиміровичей до Гедиминичей, и по которой уже бракъ Ягелла и Ядвиги (1386), а не Люблинскій сеймъ (1569) установилъ «унію Литвы и Польши», была поддержкою теорій о силѣ польскаго вліянія на Литовское княжество и о нерусскомъ его характерѣ.

ціональное возрожденіе организовалось только у однихъ украинцевъ.

Начало оно организоваться сейчасъ послѣ открытіи университета въ Харьковѣ въ началѣ XIX ст. Уже въ первое двадцатипятилѣтіе XIX ст., кромѣ попытки поэзии и беллетристики на чисто народномъ украинскомъ языкѣ (писаніе на языкѣ мѣстномъ, украинско-церковномъ, не прекращалось и въ XVIII в., и замерло только послѣ введенія въ кіевскую академію „россійскаго краснорѣчія“ въ 1784 году и изгнанія изъ украинскихъ училищъ книгъ мѣстнаго изданія указомъ 1785 года) — появился на языкѣ, близкомъ къ великорусскому, первый памятникъ ново-украинской политической мысли: „Исторія Руссовъ или Малой Россіи“, долгое время приписываемая Георгію Копищенскому. Это исполненное ошибокъ въ историческомъ отношеніи произведеніе, представляющее чрезвычайно замѣчательное соединеніе старой антиуниатской оппозиціи, по безъ вѣронеповѣдной православной исключительности, и козацкаго республиканства съ новымъ либерализмомъ и демократизмомъ, — украинскаго автономизма съ всероссійскимъ федерализмомъ. „Исторія Руссовъ“ имѣла большое вліяніе на лѣвобережныхъ украинцевъ и даже, какъ признавался намъ одинъ старый польскій писатель, не осталась безъ вліянія и на правобережныхъ поляковъ, пораждая хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ украинскія традиціи. Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія слободско украинскій, харьковскій, университетъ положилъ въ мѣстномъ обществѣ начало систематическаго изученія мѣстной народности въ связи съ изученіемъ всей славящины. Къ слобожанамъ (Срезневскій, издатель Запорожской Старины, потомъ Костомаровъ) пристали полтавцы, перепесенные судьбою въ Москву (Максимовичъ, потомъ профессоръ въ Кіевѣ, — Бодянский*). Эти первые ученые украинофилы вмѣстѣ съ подолышникомъ Григоровичемъ и съ венгерскимъ украинцемъ Венелинымъ, — подобно Бодянскому, Максимовичу и Срезневскому, писавшимъ объ украинскіхъ народныхъ пѣсняхъ, — были основателями въ Россіи науки о славянствѣ, которая должна совершенно видоизмѣнить постановку въ Россіи польскаго вопроса. Подъ перомъ Костомарова уже въ 40-е годы украинофильство явно сложилось въ ученіе о федерально-демократическомъ панславизмѣ.

Въ такомъ видѣ перешло лѣвобережное украинофильство въ Кіевъ, гдѣ Костомаровъ и Шевченко начали организовывать Кирилло-Методіевское братство, которое должно было приступить къ практическому осуществленію идей украинскіхъ федералистовъ посредствомъ народнаго образованія и освобожденія крестьянъ. Само собою, братство было захвачено полиціей Николая I и размѣщено по мѣстамъ столь и не столь отдаленнымъ. Но созданное первыми украинофилами литературное движеніе не исчезло, по край-

*) Здѣсь нельзя не упомянуть и харьковца кн. Цертелева, издававшего еще въ 1819 г. «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень», въ которомъ впервые были напечатаны украинскія политическія пѣсни и «думы».

ней мѣрѣ для науки объ исторіи и этнографіи Украйны. Казакія лѣтописи и документы, напечатанные въ Москвѣ Бодянскимъ, памятники Кіевской археологической коммисіи, основанной по мысли Максимовича, — пѣсни, собранныя Максимовичемъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, — показали по крайней мѣрѣ ученому міру цѣльную украинскую національность отъ верхней Тиссы въ Венгрію до Кубани въ Россіи, существовавшую, не взирая на границы Россіи и Польши въ 1772 г., и существующую, не взирая на послѣдующія границы Австріи и Россіи съ ихъ административными подраздѣленіями. Национальность эта оказалась слишкомъ велика, чтобъ образованіе ея отличій отъ великорусской можно было по старому объяснять польскимъ влияніемъ, испортившимъ будто бы прежде „чистую русскую народность, которая сохранилась подъ господствомъ московскихъ князей“, ибо украинскія отличія существуютъ въ такомъ же самомъ видѣ, какъ напр. въ Галиціи или на Волыни, и въ такихъ странахъ, гдѣ никогда не было польской власти, какъ напр. въ Венгріи, или въ Буковинѣ. Въ то же время явно враждебное польскому государству настроеніе, которое бьетъ изъ каждой страницы украинскихъ народныхъ пѣсенъ, старыхъ и новыхъ, очевидно, не могло быть объяснено „московской интригой“. Признаніе органичности украинскихъ отличій обязывало ученыхъ передѣлать всѣ официальные польскія и московскія построенія исторіи Восточной Европы — и, логически, должно было обязывать сообразоваться съ собою и практическихъ дѣятелей политики.

Само собою разумѣется, что для пріобрѣтенія практическаго значенія новыя украинскія идеи, особенно федерально-демократическаго оттѣнка, пужались въ пронагандѣ, — а она то, какъ показала судьба Костомарова и Шевченка, и не была возможна при николаевскихъ порядкахъ, которые задерживали по нѣсколько лѣтъ въ цензурѣ даже сырой матеріалъ: пѣсни, собранныя Метлинскимъ и Максимовичемъ. Вотъ почему идеи эти мало распространились даже въ мѣстномъ обществѣ, — а въ Великороссіи кіевское братство осталось не понятнымъ, но не смотря на то обруганнымъ и западникомъ Бѣлинскимъ, и восточникомъ Хомяковымъ, какъ это мы показали въ нашемъ предисловіи къ „Письму Бѣлинскаго къ Гоголю“. Поляки узнали о Шевченкѣ и Костомаровѣ только уже съ конца 50-хъ годовъ и тоже почти безъ исключенія встрѣтили ихъ идеи враждебно *) Такимъ образомъ къ концу царствованія Николая I въ массѣ, какъ русскаго, такъ и польскаго об-

щества оставались почти нетронутыми старыя церковно-государственныя идеи объ отношеніяхъ „Россіи“ и Польши. Когда въ началѣ царствованія Александра II наступила въ Россіи либеральная оттепель, великорусскіе круги, — дающіе и до сихъ поръ черезъ столицы сигналы обществу — мнѣнію, — настроились благоприятно къ польскимъ стремленіямъ, — и не зная основательно границъ дѣйствительной Польши, готовы были признать Польшею все, что было не великорусское, исключая, конечно, тѣхъ краевъ, къ обладанію которыми слишкомъ уже привыкло русское государство, — а именно Лѣвобережной Украйны, которую одну привыкли въ Россіи звать Малороссіей, и Новороссію о которой никто уже и не зналъ, что она была населена и до Екатерины II и называлась „Вольностями Войска (или Товариства) Запорожскаго“. Только Кіевъ, — этотъ всероссійскій Римъ, — возбуждалъ нѣкоторые сомнѣнія въ русскомъ литературномъ обществѣ, но край западнѣе отъ Кіева оно вполне было готово признать Польшею. По крайней мѣрѣ самъ И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ своемъ либеральномъ „Парусѣ“ (1859 г.) довольно тенденціозное „Письмо изъ Польши“ (какъ говорили тогда, принадлежащее перу извѣстнаго польскаго беллетриста) съ помѣткою: *Житомиръ!* Даже въ послѣдствіи грозный бичъ польской интриги М. Н. Катковъ, вель по польски переписку съ г. Киркоромъ, издававшимъ въ Вильнѣ журналъ съ обычными польскими „историческими“ тенденціями, — и только полемикъ, поднята въ виленискихъ польскихъ изданіяхъ противъ появившагося въ 1857 — 59 гг. „Богдана Хмельницкаго“ Костомарова, на которую украинскій историкъ отвѣчалъ въ „Современникѣ“, предвѣщала тѣ бури, которыя не замедлили разразиться около польскаго вопроса нѣсколько времени спустя.

При такихъ условіяхъ пришлось высказаться объ этомъ вопросѣ „Колоколу“, тогдашнему органу всероссійскаго либерализма и великорусской демократіи.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправки. Въ 4 № „Вольнаго Слова“ въ статьѣ г. Драгоманова оказались слѣдующія важнѣйшія опечатки: на стр. 3, столб. 1, стр. 33, напеч. *Приписи* вм. *Пѣсни*; стр. 52 (*порусски*) *тымап-прусовъ* вм. *поруски* (*Нѣманъ Русь*) *прусовъ*; на стр. 4, 1 столб., стр. 42, *польскій* вм. *тѣмскій*; 2 столб., стр. 43, напеч. 1641 г., вм. 1642; на стр. 6, 1 столб., стр. 26, напеч. *польскому* вм. *нѣмскому*; стр. 30 нап. въ XVII в., вм. въ XVI в.; столб. 3, стр. 15, нап. *друнцъ*, вм. *дровницъ*.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

Письмо второе.

Я старался, въ предыдущемъ письмѣ, *) показать неосновательность недавно возникшаго, но быстро сдѣлавшагося у насъ популярнымъ, мнѣнія о неужности для насъ виѣшней политики и о невозможности разрѣшенія нашихъ внутреннихъ задачъ независимо отъ общаго хода событій нашего времени.

*) См. № 2 „Вольнаго Слова“.

Причину этого мнѣнія слѣдуетъ, прежде всего, искать въ глубокомъ недовольствѣ результатами войны 1877-78 годовъ, главнымъ и самымъ ошутительнымъ послѣдствіемъ которой было обостреніе матеріальнаго и нравственнаго положенія внутри Россіи. Перенесеніе общественнаго вниманія съ виѣшнихъ вопросовъ на внутренніе не можетъ, однако, считаться явленіемъ исключительно русскимъ: оно произошло почти одновременно во всѣхъ европейскихъ государствахъ, подъ влияніемъ общаго утомленія, произведеннаго чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ въ послѣднюю четверть вѣка, и желанія каждаго изъ нихъ, отложить окончательное рѣшеніе существующихъ международныхъ вопросовъ до завершенія своего военнаго, политическаго и экономическаго переустройства. Правительства всѣми силами поощряютъ это временное равнодушіе общества къ виѣшной политикѣ, съ цѣлью ослабить контроль за своими дѣйствіями и предоставить себѣ выборъ удобной минуты и повода для перехода къ активной международной роли. Въ неминуемомъ наступленіи новыхъ виѣшнихъ столкновеній не сомнѣвается ни одинъ серьезный политическій дѣятель; весьма вѣроятно даже, что новыя столкновенія будутъ ужаснѣе и рѣшительнѣе прежнихъ: сами народы примутъ въ нихъ болѣе полное и непосредственное участіе. Въ виду медленна, но вѣрно приближающейся борьбы, главную заботу каждаго правительства (да и каждой правительственной партіи или способной стать таковою) составляетъ — увеличеніе и приведеніе въ готовность всѣхъ силъ и средствъ государства, военныхъ, финансовыхъ, дипломатическихъ, зоркое наблюденіе за приготовленіями другихъ державъ и стараніе произвести такую группировку послѣднихъ, при которой бы можно было опереться, для своихъ цѣлей, на средства и силы союзниковъ, изолировавъ въ тоже время противника. Благо той странѣ, правители которой не обманываются наружно царствующимъ въ Европѣ спокойствіемъ и всеобщими завѣреніями миролюбія и не подвергаются опасности быть застигнутыми върасплохъ...

Нельзя, однако, не признать, что сосредоточенію вниманія публики на внутреннихъ дѣлахъ, какъ въ Европѣ такъ и въ Россіи, способствовала и другая причина: выступленіе на первый планъ вопросовъ экономическихъ и социальныхъ, слишкомъ долго остававшихся въ тѣни. Дѣйствительно, научное изслѣдованіе экономическихъ явленій началось только съ конца прошлаго вѣка, и только въ текущемъ съ его результатами стали знакомиться государственные люди; основатели новой науки вдались въ односторонность: они изучали преимущественно законы производства богатствъ и упустили изъ виду законы ихъ распредѣленія; пробѣлъ этотъ пополнили такъ называемые социалисты, слишкомъ торопившіеся, къ сожалѣнію, обобщать свои выводы. Въ область практической политики ихъ ученія введены были впервые событіями 1848-го года во

*) Шевченко и до сихъ поръ имѣетъ въ польской публикѣ репутацію прага поляковъ, — и еще недавно Сырокомля не рѣшился перевести его Гайдамаковъ. Даже въ настоящее время г. Снасовичъ увидѣлъ въ этой поэмѣ «выдаваніе звѣрства и безчеловѣчности за геройство». А между тѣмъ достаточно хладнокровно прочесть поэму Шевченко, чтобъ замѣтить въ ней плачь надъ тѣмъ, что онъ описываетъ, и такія напр. слова:

Болитъ сердце, якъ згадаєшъ:
Старихъ славіянъ діти
Впились кровіу, — а хто виненъ?!
Кляндонн, язуюті!